

А. Дука
СПбФ ИС РАН
А. Чугунов
СПбГУ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС И КОНСОЛИДАЦИЯ ЭЛИТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (по материалам анализа прессы)

Проблема консолидации элиты связана с ее становлением как определенной устойчивой группы в социуме. В переходном обществе, возникновение новых иерархий, изменение прежней стратификации проходит достаточно конфликтно. Перераспределение власти и собственности, борьба разных общественных групп - естественный фон жизни «во время перемен». 1993 год небезосновательно считается пиком конфронтации внутри российской элиты. Причем, межфракционные схватки происходили не только на федеральном уровне, но и на региональном. Часто это противостояние приобретало форму борьбы представительной и исполнительной ветвей власти. Закончилась эта схватка роспуском Верховного Совета. В Петербурге представительная власть была упразднена несколько позже - 22 декабря Указом Президента, причем, значительную роль в принятии этого решения сыграл мэр города А. Собчак. Безусловно, конфликты на федеральном уровне имели несколько иные причины, чем в С.-Петербурге, но влияние они, безусловно, оказывали. Кроме того, городская администрация и депутатский корпус были вовлечены в противостояние Президент - Верховный Совет¹.

Логично было бы предположить, что городская пресса, отразит существующие политические противоречия, покажет их, а также, возможно, и сама, будучи вовлеченной в общественную жизнь, даст интересный исследовательский материал. Тем более что и тексты интервью с представителями региональной элиты, и наши собственные наблюдения как жителей города свидетельствовали, что пресса разделена на сторонников и противников различных ветвей городской власти.

Мы исходили из предположения, что усиливающаяся конфронтация фракций элит проявится в усиливающейся взаимной негативной характеристике представителей элитных групп в прессе. В рамках нашего исследования анализу подверглись три ежедневных городских газеты: «Ленинградская правда» / «Санкт-Петербургские ведомости», «Вечерний Ленинград» / «Вечерний Петербург» и

«Смена». Поскольку были существенные проблемы в определении выборки, мы проводили сплошной анализ газет. Таким образом, за 1993 г. было просмотрено 900 номеров газет.

Для идентификации элит использовался позиционный подход. Под властной городской элитой понимались высшие чиновники городской администрации и руководство Горсовета (президиум, председатели комиссий и комитетов).

Как отмечалось исследователями, местная пресса является лучшим источником информации о локальных элитах². Но обычно газетные материалы используются, в основном, для сбора *событийных фактов* о городской жизни и деятельности элит, что, конечно, важно. Контент-анализ же, позволяющий увидеть некоторые скрытые реалии, практикуется исследователями гораздо реже³.

В рамках нашего исследовательского проекта содержательный анализ городской прессы решал несколько задач. Первая связана с ролью средств массовой информации в создании картины политической жизни города. Здесь газеты выступают как один из важнейших факторов формирования внутригородской политики и в какой-то мере в качестве относительно независимых политических субъектов. Также газету можно рассматривать как посредника между населением и городской элитой, для которой то или иное издание служит трибуной для высказывания собственных взглядов. Наша методика позволяет получать данные как в целом о городских властях, так и отдельно о городской политической и административной элите, а также о депутатском корпусе и о городских чиновниках. Это дает возможность оценить контекст газетного дискурса об элитах и дискурса самих элит.

Образ городской власти

Для получения информации об образе представительной и исполнительной властях города в трех ежедневных газетах в процессе контент-анализа фиксировались встречающиеся в изданиях характеристики деятельности представителей элиты.

Были предложены следующие категории анализа:

1. Соблюдение общественных интересов.
2. Компетентность решений и деятельности.
3. Властолюбие (амбициозность, карьеризм, стремление к большей власти)
4. Принадлежность к старой номенклатуре.
5. Ориентация на конфронтацию (конфликтность) или соглашение при разрешении конфликтных ситуаций.
6. Соблюдение нравственно-этических норм и правил поведения.
7. Информационная деятельность.

8. Соблюдение законов.
9. Выполнение функционально-должностных обязанностей.
10. Устойчивость поведения в профессиональной деятельности.
11. Обобщенная оценка (характеристика) деятельности субъекта.

Всего по трем газетам было зафиксировано 830 характеристик (484 касающихся представительной власти и 366 - исполнительной). Из них 394 характеристики давались городской элите (140 - политической и 254 - административной). Наряду с конкретными характеристиками мы получили возможность оперировать обобщающими характеристиками, связанными с направленностью публикаций и возникающим образом властей в прессе. Прежде всего, это индекс позитивности высказываний.

Этот индекс был образован путем определения доли позитивных и негативных суждений, при этом позитивным присваивается знак плюс, отрицательным - минус. Индекс является средним значением этих двух величин. Например, в том случае, если в течение какого-либо периода зафиксировано одинаковое количество положительных и отрицательных высказываний, значение индекса позитивности будет равно нулю, и, напротив, если зафиксированы только положительные высказывания при полном отсутствии негативных, - то индекс будет равен +1. Таким образом, значение индекса позитивности может колебаться от -1 до +1.

Для более наглядного представления распределения значений индекса позитивности высказываний представим полученную информацию в виде графика

**Индекс позитивности высказываний
о городских властях**

Рис. 1.

На графике наглядно видно, что все значения расположены ниже нуля. Можно предположить, что отношение пресса-власть складывались не очень хорошо. Причем, отчетливо видно, что газеты различно ориентированы. Утверждения о явной

промэрской ориентации «Смены» и «Ведомостей»⁴ вроде бы очевидны, но при отрицательности индекса по отношению ко всем ветвям власти, лучше говорить об относительной поддержке городской администрации этими газетами.

В нашем исследовании мы также фиксировали общую направленность публикаций: позитивная, негативная и нейтральная. Данные по этому блоку анализа несколько отличаются от предыдущих. Если дисбаланс критики властей у «Смены» и «Ведомостей» принципиально тот же, то видимость сбалансированности материалов в «Вечерке» исчезает. В этой газете негативных материалов по отношению к исполнительной власти явно больше, чем по отношению к представительной. Если же мы рассмотрим долю нейтрально направленных материалов (индекс нейтральности публикаций), то картина окажется очень любопытной. Наибольшие значения индекса нейтральности у «Вечернего Петербурга», наименьшие - у «Смены». Важно отметить, что во всех трех изданиях доля нейтральных материалов значительно превышает суммарную долю позитивно или негативно направленных по отношению к какой-либо городской власти.

Но это в целом за 1993 год. При разбиении материала по периодам: январь-август (время, предшествующее государственному перевороту) и сентябрь-декабрь (открытая конфронтация властей в Москве) картина меняется. Во-первых, газетные публикации, в которых упоминаются городские власти, встречаются реже (в 1,84 раза уменьшается среднее количество статей в месяц, посвященных властям, и в такой же пропорции - 1,88 раза - уменьшается среднее количество упоминаний городских властей в газетах за месяц), что может быть объяснено как переключением внимания на события на федеральном уровне, так и, возможно, нежеланием глубоко влезать в политические дрязги с неясным результатом. Во-вторых, все газеты изменяют характер материалов. «Вечерний Петербург» усиливает негативную направленность своих материалов, и критика в отношении обеих властей становится одинаково сильной (-1 по двум позициям). «Санкт-Петербургские ведомости» занимают открыто промэрскую позицию: индекс позитивности высказываний по отношению к исполнительной власти +1 и по отношению к представительной -1. Несколько неожиданно повела себя «Смена»: доля позитивных высказываний по отношению к горсоветовской власти увеличилась, и индекс стал положительным (+0,33), в то время как по отношению к административной власти сохранилась относительно критическая направленность (индекс -0,33).

Образ городской элиты

Всего из трех городских газет при сплошном просмотре за год для анализа было отобрано 3189 статей, имеющих упоминания, связанные с исполнительной или представительной властью города (всего 6733 единицы анализа). Выде-

лив материал, где представителям двух элитных групп (политической и административной) даются оценки и характеристики, мы получили массив из 394 суждений, при этом авторами 123 (или 31%) характеристик выступили представители депутатского корпуса или исполнительной власти.

Для обработки и интерпретации была проведена классификация авторов высказываний в прессе на 5 групп:

1. Политическая элита (Председатель и заместители председателя горсовета, председатели комитетов и комиссий горсовета).
2. Административная элита (Мэр и его заместители, руководители комитетов мэрии).
3. Депутаты, не относящиеся к политической элите.
4. Представители исполнительной власти, не относящиеся к административной элите (руководители подразделений комитетов мэрии, просто чиновники).
5. Субъекты, не имеющие отношения к городским властям (корреспонденты, жители города, аналитики, представители хозяйственных структур, общественных объединений, партий и т.п.).

Если проанализировать общее распределение высказываний, представленное на диаграмме (рис. 2), можно обратить внимание на незначительную долю высказываний, где авторами выступают представители исполнительной власти, причем руководители подразделений комитетов мэрии и чиновники, не имеющие статуса элиты (4-я группа), практически не представлены в материале (0,25%). Доля различных авторов высказываний со временем существенно не изменяется.

Общее распределение по авторам высказываний

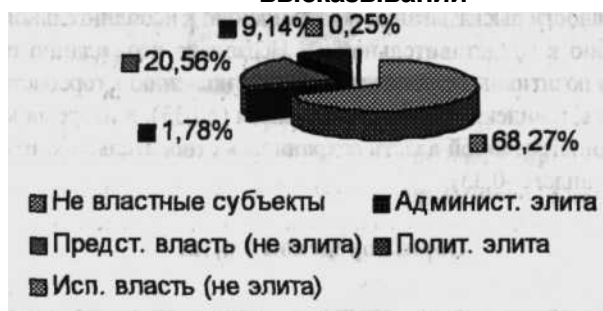

Рис.2.

На основании этого материала мы можем рассмотреть несколько «образов» городской элиты. На графике (рис. 3) видно, что за исключением мнения административной элиты о себе самой значение индекса позитивности высказываний всегда расположено ниже нуля, что говорит о значительном удельном весе критических высказываний в адрес элит. Можно отметить ««лидеров критики»». Конечно, необходимо учитывать и удельный вес той или иной группы в общем хоре.

Политическая и административная элита
(Индекс позитивности высказываний по группам авторов)

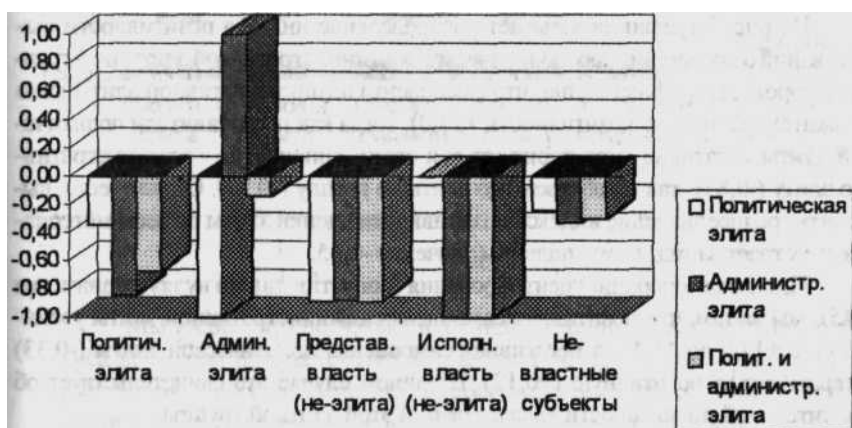

Рис.3.

В целом ситуация аналогична образу городской власти в прессе. Газеты «не любят» элиту, правда, в меньшей степени, чем власть в целом и даже в меньшей степени, чем рядовых депутатов и чиновников. С другой стороны, на фоне характеристик, которые дают элитам субъекты высказываний, принадлежащие к властным структурам, собственно газетные материалы достаточно умерены.

При обработке данных, полученных в результате контент-анализа прессы, обращает на себя внимание превалирование негативного, критического спектра суждений. Это вполне естественно, так как одной из задач, которую ставят перед собой городские газеты, является освещение фактов злоупотреблений, халатности и недобросовестного отношения к своим обязанностям городских властей, депутатов и чиновников. В частности, около 15% суждений связаны с фактами несоблюдения законодательства, а 10% относятся к неудовлетворитель-

ному выполнению или игнорированию функционально-должностных обязанностей представителей власти.

В связи с этим значения индекса позитивности высказываний чаще всего являются отрицательными. В этой ситуации для содержательного анализа приходится использовать не колебания значений по отношению к «нулю», а «степень негативности» суждений.

Повысить наглядность и сопоставимость представления цифровой информации и выявить «всплески» негативных или положительных характеристик можно, применив метод центрирования значений индекса позитивности. Для этого необходимо определить, какое среднее значение принять за «нуль», и таким образом сместить значение нуля по каждой анализируемой позиции.

На рис. 3 график показывает распределение индекса позитивности высказываний о представителях политической и административной элиты по 5 группам авторов. Из графика видно, что самооценка административной элиты явно положительна (индекс позитивности +1,00), тогда как представители политической элиты негативно характеризуют как своих оппонентов - административную элиту (-0,83), так и собственную элитную группу (-0,33). Однако, если вычислить среднее значение индекса позитивности оценки элиты по всем материалам трех газет за год, то мы получим значение -0,45.

Произведя операцию центрирования («опустив линию нуля» до значения -0,45), мы видим, что позитивная самооценка административной элиты увеличилась с +1,00 до +1,45, а негативная самооценка политической элиты (-0,33) превратилась в позитивную (+0,12). В данном случае это свидетельствует об относительной позитивности высказываний этой элитной группы.

Таким образом, центрированные значения индекса позитивности подтверждают тезис о наличии внутригрупповой сплоченности элитных групп. При этом мы наблюдаем явный всплеск позитивной самооценки административной элиты. Если соотнести этот факт с практическим отсутствием (0,25% от общего числа суждений) в газетном материале высказываний представителей исполнительной власти, не относящихся к элите, т.е. чиновников среднего и низкого должностного статуса (см. рис. 2), получается картина жесткой иерархической системы, где лишь элите позволяется давать оценки элите.

Диаметрально противоположная картина наблюдается в депутатской среде: представители политической власти, не относящиеся к элите, являются авторами пятой

части всех высказываний (см. рис.2), что значительно превышает суммарное количество суждений политической и административной элит. При этом следует отметить критический пафос их выступлений в печати в адрес обеих элит (см. рис.3).

На рисунках 4 и 5 представлены графики распределения индекса позитивности высказываний, характеризующих деятельность административной и политической элит Петербурга по двум периодам.

**Политическая и административная элита
в газетных публикациях с января по август 1993 г.**
(Индекс позитивности высказываний по группам авторов-
центрированные значения)

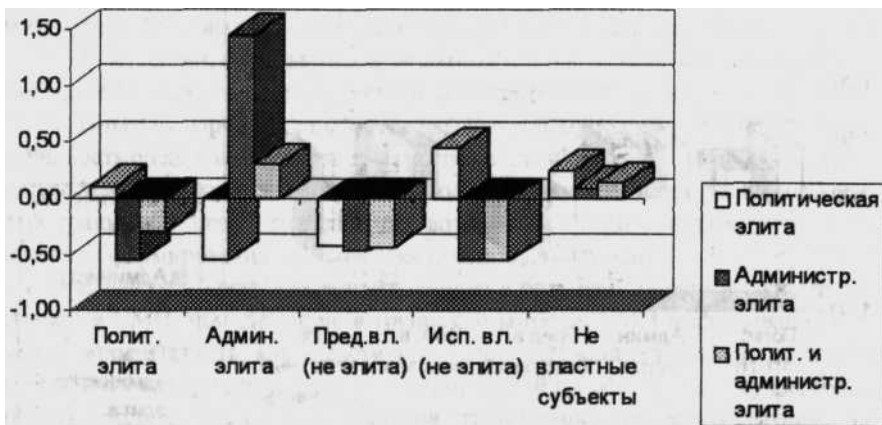

Рис.4.

Мы видим, что несколько изменился общий климат политического дискурса во второй период (сентябрь-декабрь 1993 г.). Как ни странно, но общий критический накал по отношению к городской элите в прессе относительно спал. Можно отметить сохраняющийся критицизм депутатского корпуса и усиление критики по отношению к политической элите со стороны невластных субъектов. Последнее связано с общим российским фоном политического противостояния властей.

Следует обратить внимание на совпадение позиции представителей исполнительной власти (элиты и рядовых администраторов) во втором периоде (рис. 5). Центрированные значения индекса позитивности совпадают как в оценке политической, так и административной элит. Такая консолидированность вполне естественна для исполнительной власти и, скорее всего, мало связана с конкретной кризисной ситуацией. Вероятно, здесь действуют иные факторы.

Представляется, что более существенным показателем здесь является выравнивание позиций административной элиты и ее сдержанность в отношении своего политического (секторального) оппонента. То же самое относится и к политической элите.

**Политическая и административная элита
в газетных публикациях с сентября по декабрь 1993 г.**
(Индекс позитивности высказываний по группам авторов -
центрированные значения)

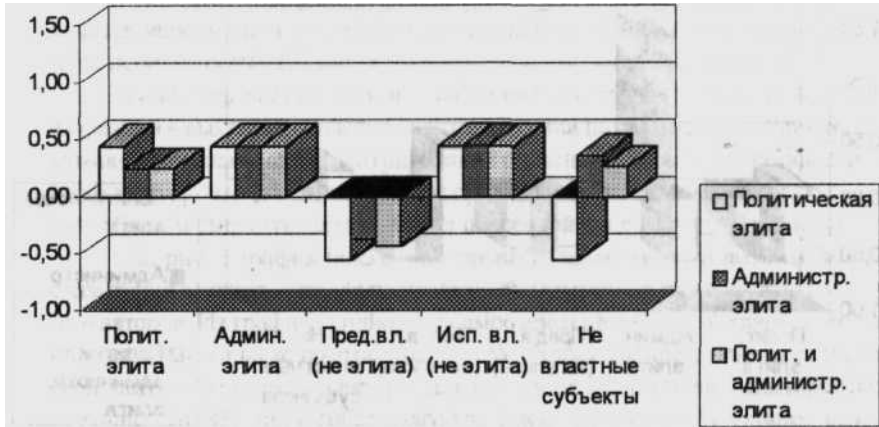

Рис.5.

Как видно из изложенного материала, наши предположения о возрастающей полемике в прессе во время конституционного кризиса 1993 года оказались неверными. Результаты оказались несколько неожиданными. Вместе с изложенными наблюдениями, позволим себе в виде заключения несколько интерпретативных суждений.

Некоторые следствия и выводы

На основании материалов контент-анализа можно сформулировать (с естественными оговорками об ограниченности полученных данных) некоторые предположительные выводы.

Во-первых, политический кризис существенно влияет на установки СМИ по отношению к городским властям и возможны значительные изменения в их ориентациях.

Во-вторых, кризис способствует повышению сплоченности элитных групп и большей сдержанности во взаимных оценках представителей различных секторов элит (по крайней мере, это относится к административной и политической элитам), что, возможно, связано с желанием не способствовать еще большей дестабилизации политической ситуации. Как важнейший фактор выжива-

ния, действует желание стабилизировать положение. Хотя надо иметь в виду, что 1993 год закончился роспуском органа представительной власти в городе и установлением на год монархической городской властной системы.

В-третьих, следствием этого вполне может быть формирование *общих* для различных элитных групп базисных ценностей, которые, собственно, и создают основу для функционирования элиты как определенной социальной группы³.

В-четвертых, с предыдущим, возможно, связано и более критичное отношение незлигных представителей политической власти по отношению к своей элите.

В-пятых, наряду с тенденциями, изложенными в п. 2 и 3, возможно, неустойчивость оценки и самооценки (в группе) косвенно свидетельствует, как о дезориентации в сложный кризисный период, так и о нечеткости идентификационных границ в элитных группах, что, возможно, связано с незавершенностью процесса формирования постсоветских региональных элит⁶.

В-шестых, поскольку контент-анализ в большей степени фиксирует ситуацию в СМИ, чем ситуацию в группах, о которых СМИ высказываются, то можно предположить, как следствие п. 1, что сдержанность городских элит в прессе связана, прежде всего, с позициями самой прессы. В этом случае, именно она действует как один из факторов стабилизации кризисной ситуации, не допуская острой полемики фракций элит на своих страницах.

В-седьмых, городские газеты, давая критическую оценку деятельности местных властей, менее критично подают активность представителей элиты (верхнего эшелона власти). Снижение критичности по отношению к элите может свидетельствовать как об ангажированности прессы, так и о некоем «двойном стандарте», связанным с положительной оценкой элитных групп в силу самого их элитного положения. Первое предположение полностью не может объяснить ситуацию: эффект уменьшения критики наблюдается вне зависимости от ориентаций издания. Второе (если оно верно) свидетельствует или о нежелании портить отношение с элитой, или, что внутренне связано с предыдущим, об определенной устойчивости элитных групп, приобретение ими качеств установившейся социальной группы и рассмотрение их не как случайных персон на верху иерархической лестницы, а как определенной страты.

Как нетрудно заметить, некоторые выводы противоречат друг другу. Поэтому, скорее, это выводы-гипотезы, нуждающиеся в дальнейшей проверке.

Тем не менее, последующие события показали, что ситуацию конца 1993 года можно все-таки рассматривать как начало процесса консолидации городских элит. Действительно, с декабря 1993 года по ноябрь 1994 года в регионе существовал монархический режим - функционировала только административная власть, и группировка, которую представлял А. Собчак, не имела значимых легитимных конкурентов. Говорить о каких-нибудь межфракционных пактах становится возможным только с начала 1995 года. Кульминацией элитного

«сговора» можно считать согласие мэра на продление полномочий городского Законодательного собрания до конца 1998 года в обмен на согласие депутатов на проведение выборов губернатора по условиям, выработанным городской администрацией. Но если мы рассмотрим процесс консолидации как многостадийный, с необходимой «прелюдией», то можно утверждать, что необходимым этапом является формирование готовности к переговорам, связанное с умеренностью во взаимной критике, что уже может рассматриваться юнкфликтующими сторонами как определенный сигнал. Причем, очевидно, что, говоря словами Бартона и Хигли, «терпимое и примирительное поведение центральных фигур» не связано с мощью будущих победителей. Взаимные инвективы уменьшились до того, как стало понятно, кто победит.

Седьмой пункт наших рассуждений косвенно подтверждает предположения о начале консолидационного процесса. Внешний имидж городских властных групп как элитных имплицитно связан с их принципиальным единством, что маловероятно без элитных договоренностей в том или ином виде.

Примечания:

¹ См., напр., брошюру бывших депутатов Горсовета: Горный М.Б., Нестеров Ю.М., Сунгуров А.Ю., Шишлов А.В. Городской Совет Ленинграда - Санкт-Петербурга в 1990-1993 годах. - СПб.: Стратегия, 1996. - С. 47-50.

² См., напр., Hunter A. Local Knowledge and Local Power Notes on the Ethnography of Local Community Elites // Studying Elites Using Qualitative Methods / Ed. by RHertz, J.B. Imber.

- L.: Sage Publications, 1995. - P. 163-164; Janowitz M. The Community Press in an Urban Setting. - Chicago: University of Chicago Press, 1967.

³ В качестве редкого примера укажем на: Охотский Е., Шмарковский Л. Печать о столичной власти // Власть, 1995, №4. Но и здесь результаты, прежде всего, дают информацию о городских газетах, а не о городских властях.

⁴ См., напр., Горный М.Б., Нестеров Ю.М., Сунгуров А.Ю., Шишлов А.В. Указ. соч. - С.41.

⁵ См., например, «три С's» Майзеля (Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the «Elite». - Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1958); см. также: Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. - М: Юрид. лит., 1984. - Гл. 1. К этим сюжетам тяготеет и проблема выработки элитных договоренностей, см., напр.: Burton M.G., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review, 1987. -Vol. 52, No. 3.

⁶ Об этой проблеме см. также: Дука А.В. Трансформация местных элит: (институализация общественных движений: от протеста к участию) // Мир России, 1995, № 2.